

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

НОВОЕ В НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКЕ И ЭТИКЕ

Мы живем в пору почти абсолютной свободы слова, которую я считаю единственным благом для ученого люда от посткоммунистического режима. Для полемики нет цензурных ограничений: любой россиянин может говорить и печатать (если есть деньги) практически все - хоть самый несусветный вздор, пошлость, халтуру. Казалось бы, теперь легче, нежели при Советской власти, двигать вперед науку, докапываясь в спорах до истины. Но мой почти полувековой опыт научной полемики позволяет в этом усомниться. Прежде нас критиковали сверху, "исправляя" нашу позицию в угоду "верхам". Теперь мы критикуем друг друга без оглядки наверх, воспринимая позицию оппонентов в меру *собственной* профессиональной и нравственной достаточности или испорченности. Я могу судить обо всем этом *сравнительно-исторически* на примерах, пережитых мною за последние 40 лет, - и при том, и при этом режиме.

Впервые затеял я дискуссию, на тему именно "Двенадцатого года", в 1963 г., предложив в журнал "Вопросы истории" статью с пересмотром официозных оценок войны 1812 г. (особенно вульгарной идеализации М. И. Кутузова). Редакция "Вопросов истории" в испуге отпрянула от статьи. Тогда я переслал ее в Идеологическую комиссию при ЦК КПСС. Та предложила Отделению истории АН СССР обсудить статью. Руководство Отделения засуетилось. Его академик-секретарь Е. М. Жуков трижды писал мне, молодому тогда кандидату наук, о том, что обсуждение моей статьи назначено, перенесено и, наконец (когда хрущевскую "оттепель" уже сменил брежневский "застой"), отменено[1]. Вместо обсуждения мне был прислан "развернутый отзыв", подписанный Л. В. Черепниным и И. В. Бестужевым.

Полагаю, что сочинил тот отзыв именно Бестужев (он тогда еще не называл себя, как теперь, Бестужевым-Лада), а Черепнин лишь подмахнул его для солидности - уж очень далек был 1812 год от его "средневековых" интересов. Козыряя цитатами из Маркса и Ленина (все ссылки в отзыве были сделаны только на эти две фамилии), авторы отзыва похерили все мои суждения как "бездоказательные". Сделать это по отношению к Кутузову им было нелегко. Ведь ни у Маркса, ни у Ленина нет ни одного доброго слова о Кутузове. Черепнин и Бестужев поучали меня так: Ленин "называл Клаузевица, Гнейзенау, Шарнгорста, Блюхера "лучшими людьми Пруссии", а ПОЭТОМУ и "Кутузов вполне заслуживает столь же высокой оценки"[2].

Я понял тогда, что тема "Двенадцатого года" для меня закрыта, и на два десятилетия, до горбачевской "перестройки", отошел от работы над ней, занявшись историко-революционными темами. Но и здесь, кстати говоря, мне довелось пережить не единожды предвзято-критическую проработку моих исследований в научно-чиновничьих и партийных "верхах", вплоть до журнала ЦК КПСС "Коммунист", о чем я подробно рассказал в автобиографическом очерке[3].

Что касается 1812 года, то, вернувшись к этой теме с началом "перестройки", я оказался вновь зачинщиком дискуссий, которые, однако, теперь стали вольготнее. Так, после моей рецензии под названием "Кладезь ошибок" о дилетантски-конъюнктурной книге О. В. Орлик "Гроза двенадцатого года..." (жур. "В мире книг". 1988. № 4) новый академик-секретарь Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко и проф. А. А. Преображенский потребовали от редакции журнала напечатать не только их письмо против "абсурдных" нападок "разнузданного" рецензента, но и "объяснение по поводу самого факта публикации" моей рецензии. При этом Ковальченко и Ко в поисках карательных санкций

против журнала обратились в ЦК КПСС и Госкомиздат СССР. Увы! - времена изменились: "верхи" на этот раз промолчали, а редакция "В мире книг" напечатала - вместе с письмом трех историков - мой ответ им и "Взгляд со стороны" А. Г. Тартаковского, который солидарно со мною опроверг "раздраженные инвективы" авторов письма в защиту книги, "изобилующей ошибками, само количество которых превышает всякую меру"[4].

Следующую "почтовую дуэль" мне пришлось выдержать уже после распада СССР. В № 2 журнала "Отечественная история" за 1992 г. была опубликована моя рецензия о совместном труде Б. С. Абалихина и В. А. Дунаевского "1812 год на перекрестках мнений советских историков" - рецензия в целом положительная, но с научной полемикой. Оба историка, вероятно, почитавшие собственный труд как непогрешимый шедевр, приняли мою полемику с ними в штыки. Не уловив духа времени, они по-старинке сопроводили выпад против моей рецензии - выпад снобистски пустозвонный, но гневный, оснащенный почти матерной бранью (Троицкий, мол, "фальсифицирует", "непрерывно поносит" и т. д.) - сопроводили его жалобой начальству, на этот раз, в отсутствие ЦК КПСС, - к руководству РАН[5]. Журнал "Отечественная история", подведомственный РАН, опубликовал текст Абалихина и Дунаевского, но дал и мне возможность ответить им в № 3 за 1993 г., где я подчеркнул, что говорим мы на разных языках - и по существу (у меня факты, у них домыслы), и по тону[6].

Отмечу здесь, что во время "почтовой дуэли" с О. В. Орлик и ее покровителями я предлагал журналу "В мире книг" на роль арбитра любого из трех: не только А. Г. Тартаковского, но и Б. С. Абалихина с В. А. Дунаевским. Андрей Григорьевич, узнав об этом, тогда же меня предупредил (считаю возможным процитировать письмо одного покойника о двух других; теперь это - исторические документы): "Дунаевский - подхалим, состоит при Ковальченко, лизоблюдствовал перед Нарочницким[7], и я не уверен, что он в состоянии занять честную позицию, тем более, что и дела толком не знает. Абалихин - человек глупый, малообразованный, тесно связанный с Дунаевским, и их позиция будет, мне думается, примерно одинаковой"[8]. Вспоминаю здесь, как студенты моего спецсеминара без всякого зла на Абалихина и Дунаевского просто для краткости соединили две их фамилии в одну: Абалдун.

Ту характеристику, которую дал Абалихину Тартаковский, подтвердил посмертно изданный (почему-то в Калмыкии) труд Бориса Сергеевича, очень показательный и с научной, и с этической точки зрения для современной историографии "Двенадцатого года"[9]. Его отличительные черты - амбициозная категоричность при малой компетентности и большой предвзятости. Они налицо и в панегирическом предисловии В. Г. Сироткина, который величает Абалихина академиком, не уточняя, что Абалихин был членом академии... города Балашова Саратовской области.

Впрочем, к Сироткину я еще вернусь. А пока - речь об умозаклчениях Абалихина. Он не согласен со мной в том, что термин "Отечественная" применительно к войне 1812 г. был введен в научный обиход А. И. Михайловским-Данилевским в 1839 г., ибо, мол, "так называли войну те, кто в грозный 1812 год проливал свою кровь на полях Отечества"[10]. Борис Сергеевич так и не понял: мало ли кто и как называл войну где-либо - не об этом речь; в научный обиход ввел термин Михайловский-Данилевский, до него никто из историков ни в каком исследовании "отечественной" войну 1812 г. не называл.

Малая компетентность и большая предвзятость Б. С. Абалихина сквозят в его работе с источниками. Поражаясь "наивности", с которой я определяю численность "Великой армии" Наполеона в Бородинской битве по ведомости, опубликованной Ж. Шамбре, Абалихин (скорее всего, и не лицезревший эту ведомость) сообщает, что она "была

составлена 22 августа", т. е. за 4 дня до сражения и потому не важна[11]. А ведь там учтены и те части, которые 21 августа были откомандированы от армии, но присоединились к ней 26 августа, т. е. к самому началу битвы[12].

Далее. Оспаривая мою ссылку на данные Военного министерства Франции о потерях французов при Бородине, опубликованные П. Денье, Абалихин возмущается: "Такие цифры фигурировали в наполеоновских бюллетенях", а "в русском обществе даже ходила поговорка: "Лжешь, как бюллетень"[13]. Либо Борис Сергеевич не заглядывал ни к Денье, ни в "бюллетени", либо он все перепутал (трудно сказать, что хуже), но цифры там разные: у Денье - 28 086, в 18-м "Бюллетене Великой армии" - 10 000 человек[14].

По убеждению Абалихина, французские данные о потерях Наполеона - это "миф, рассчитанный на простаков"[15]. "Патриотически" отмахнувшись от них, он без всяких ведомостей, умозрительно, но с присущей ему категоричностью "сосчитал" потери французов в 60 тыс. человек[16].

Прощаюсь с Б. С. Абалихиным на веселой ноте: только смех (если не вздох...) могут вызвать у серьезных специалистов его попытки оправдать "перебеганье" русских войск весь день Бородинской битвы справа налево[17], реанимировать опровергнутую еще царскими историками версию о том, что Л. Л. Беннигсен при Бородине помешал Кутузову выигрывая использовать "засадный корпус"[18], доказать, что Березинская операция не удалась россиянам в главном по вине... Александра I[19], и, самое забавное, что Кутузов не был царедворцем[20], а как полководец превосходил Наполеона[21].

Я так подробно остановился на Б. С. Абалихине, во-первых, потому, что и полемика его, и этика перекликаются, как вы еще увидите, с творчеством ныне действующих историков, а также потому, что его калмыцкое издание рекламировано похвальной рецензией в журнале "Вопросы истории" (№ 11-12 за 2001 г.). Авторы этой рецензии - присутствующий здесь С. А. Малышкин и А. А. Орлов - внушают нам, что Абалихин все "скрупулезно подсчитывает" и "стремится объективно показать", что его концепция "в целом возражений не вызывает", хотя (как скромно признают рецензенты) "поводы для критики Абалихина, безусловно, есть".

Вернусь ненадолго к В. Г. Сироткину. Этот историк, очень бойкий и в жизни и в творчестве, не любит глубокого рытья источников и пишет книги на темы 1812 года поверхностно, но с абалихинским апломбом. Впрочем, его монография "Дуэль двух дипломатий", изданная в 1966 г., когда в СССР, по крайней мере, старалась бдительно научная редакция, весьма основательна. Другая же его книга, "Отечественная война 1812 г.", увидевшая свет на волне "перестройки" (1988 г.), написана столь небрежно, что даже школьник Иван Емельянов, насчитав в ней более 40 ошибок, опубликовал разносную рецензию (на целую полосу "Учительской газеты") и заключил не без оснований, что "читать такую книгу просто вредно"[22].

Еще поверхностнее недавний труд Сироткина "Наполеон и Россия" (М., 2000). Достаточно сказать, что Владлен Георгиевич полагает, будто из "всемирной историографии" "странным образом выпала (?? - Н. Т.) одна из ключевых тем - "Наполеон и Россия"[23], тогда как ее освещают 7-томник "Отечественная война и русское общество" (М., 1911-1912), 3-томник А. Вандаля "Наполеон и Александр I" (рус. изд.: СПб., 1910-1913) и

десятки монографий российских, французских, польских, англоязычных и прочих историков от Ж. Шамбре и Д. П. Бутурлина до наших современников В. Н. Земцова и А. И. Попова. Столь же странным образом Сироткин доселе не находит ответа на "вечный вопрос" "Кто все же поджег Москву в 1812 году?"[24] (С. 6, 341), хотя на него вполне определенный ответ дали еще современники и герои 1812 г. (М. И. Кутузов, А. П. Ермолов, Д. В. Давыдов и др.), а затем и специалисты-историки[25].

При этом В. Г. Сироткин по обыкновению вальяжно-снисходительно судит о своих предшественниках - даже о таких, как Е. В. Тарле[26]. Кстати, я в его представлении "специалист по народникам", занимающийся почему-то и его, Сироткина, темой "Двенадцатого года"[27]. Выходит, 6 моих книг и полсотни статей специально о 1812 г., не считая разделов на ту же тему в моих учебниках - вузовских и школьных, не "тянут" до уровня специалиста.

Особый (я бы назвал его абалихинско-сироткинским) стиль в современной историографии "Двенадцатого года", а именно сочетание поверхностности и претенциозности при малой компетентности, довел в последнее время до крайности А. В. Шишов. Его книга "Неизвестный Кутузов" с подзаголовком "Новое прочтение биографии" и с эмблемой на обложке "Архив" (М., 2001) - это циничный вызов специалистам. В ней нет ничего нового, ничего неизвестного, а ссылок на архивы - 3 (три), и все они списаны из монографии Ю. Н. Гуляева и В. Т. Соглаева "Фельдмаршал Кутузов" (М., 1995), как, впрочем, списаны оттуда же названия всех глав книги Шишова и значительные куски текста[28]. Я уж не говорю о том, что треть книги (120 с.!) составили приложения - сплошь давно опубликованные документы.

Кстати, - о монографии Ю. Н. Гуляева и В. Т. Соглаева. Она намного серьезнее опуса Шишова. В ней действительно есть и новые факты, и отказы от старых версий (например, отвергнут надуманный тезис П. А. Жилина о "конflikте между Кутузовым и царским правительством" и опровергнуто расхожее мнение о том, что после смерти Кутузова его семья будто бы бедствовала по вине Александра I[29]. Но большей частью Гуляев и Соглаев следуют в русле официозной трактовки, навязчиво идеализируя Кутузова и старательно замалчивая критические отзывы о нем его соратников и современников. Назвав трех лиц (Л. Л. Беннигсена, А. Ф. Ланжерона и А. П. Ермолова), позволивших себе высказаться "о так называемых (! - Н. Т.) негативных качествах Кутузова", они объясняют такие высказывания "завистью" и "недопониманием масштабности" их героя[30]. Но ведь резко критически отзывались о Кутузове генералиссимус А. В. Суворов, П. И. Багратион, Н. Н. Раевский, М. А. Милорадович, Д. С. Дохтуров, канцлер А. А. Безбородко и многие другие знаменитости[31]. Что - все они (включая Суворова) завидовали Кутузову и "недопонимали" его "масштабность"?

В последнее десятилетие выдвинулся ряд специалистов по нашей теме, работающих более творчески, чем "Абалдун" и В. Г. Сироткин, или даже Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев. Это - В. М. Безотосный, А. А. Смирнов, А. И. Попов. Однако их исследовательские приемы и этические нормы бывают (возможно, не всегда по их инициативе, а иногда и по стечению обстоятельств) более предосудительны, чем даже партийная цензура в СССР. Имею в виду соавторство, редактуру и, главное, прямо-таки абалихинскую предвзятость. Поясню это на примерах из собственного опыта.

Безотосный, с которым мы, судя по его рецензии о моей книге "Отечественная война 1812 г. История темы", принципиально расходимся в самом подходе к нашей теме, записан ко мне (без моего ведома) соавтором двух статей о российских генералах в энциклопедии "Немцы России", а Смирнов точно так же - соавтором статьи о Кутузове в энциклопедии

"Отечественная история", куда Александр Александрович вписал новую дату рождения Кутузова. Она, по-моему, абсолютно безосновательна, но за нее теперь и я ответствен... как соавтор Смирнова.

А какова теперь редакция? Заказанную мне статью о пожаре Москвы для энциклопедии "Отечественная война 1812 г." (под ред. В. М. Безотосного) отредактировали так, что она возымела, по сути дела, обратный смысл: сожгли Москву не столько россияне, сколько французы. В советское время ни один редактор не позволял себе такого "творчества" с моими текстами. Естественно, я потребовал снять мою фамилию с переименованного варианта этой статьи.

Что касается предвзятости, то она у специалистов по нашей теме, как ни жаль, сегодня по-прежнему в моде. Вот, например, А. И. Попов (автор серьезного труда о Бородинской битве) по-сироткински унижает своих предшественников, авторитетных ученых. Дело даже не столько в том, что тексты его пестрят такими вердиктами: В. А. Федоров "фальсифицирует", А. В. Фадеев "лгал" и "беспардонно фальсифицировал", Л. Н. Бычков "высосал из пальца", П. Г. Рындзюнский "врал", Е. В. Тарле "выдумал" и т. д. [32] Главное, он судит о позиции Тарле не по его классическим монографиям ("Наполеон" и "Нашествие Наполеона на Россию"), а по статьям о Кутузове и Бородине, написанным перед смертью под давлением сверху и не характерным для его творчества.

А вот и самый разительный пример научной и этической непозволительности в полемике по нашей теме. Его выказал присутствующий здесь А. А. Смирнов (я рад его присутствию). Он процитировал в одной из своих публикаций мое частное письмо к нему от 1 июня 1999 г. - процитировал без моего ведома. Согласитесь, это уже не этично. Но Александр Александрович, цитируя и комментируя мое письмо, оглупил его смысл. Вот что сказано в моем письме [33] . "Более всего шокирует меня Ваш пиетет к письму Кутузова французам, в котором "Кутузов поручал попечению неприятеля оставшихся в Москве наших раненых" <...> Верхом цинизма надо считать поведение Кутузова, который зажег Москву, лишил ее "огнегасительного снаряда", бросил в городе, заведомо обреченном на сожжение, десятки тысяч своих раненых и ПОСЛЕ ЭТОГО... поручил их "попечению неприятеля". Вы полагаете, что "аналогично (?? - Н. Т.) поступали и французы". По-моему, дико даже вообразить, чтобы французы в 1814 г. зажгли Париж, вывезли бы из него "огнегасительный снаряд", бросили бы в нем 20 тыс. своих раненых и поручили бы их "попечению неприятеля". Уверен, что любой француз поднимет Вас на смех за такое воображение".

А вот как интерпретировал меня Смирнов. "В ответ на мое доверие к письму Кутузова Троицкий заявил: "Уверен, что любой француз поднимет Вас на смех за такое воображение". Как же тогда расценить ответ Мюрата на это письмо: "Прочитав письмо, Мюрат отвечал: "Касательно больных и раненых излишне поручать их великодушию французских войск: французы на пленных неприятелей не смотрят, как на врагов"? По Троицкому, это - лицемерие маршала Франции. По-моему, именно такая оценка Троицкого может вызвать возмущение французов" [34].

Вот уж истинно: "ему - про Фому, а он - про Ерему". Сравните. Я говорю: дико даже вообразить, чтобы французы поступили АНАЛОГИЧНО россиянам, т. е. зажгли бы Париж, вывезли бы из него противопожарные средства, бросили бы в нем своих раненых и после этого (!) поручили бы их "попечению неприятеля". Смирнов же выбирает отсюда только то, что и французы поручали своих раненых попечению неприятеля; следовательно, мнение Троицкого возмутит французов. Это напоминает мне случай из моей жизни в начальной школе, когда мой одноклассник Ваня, по прозвищу "Телепень", заспорил со мной о том, кто больше, - лев или тигр. Я говорю - лев, он - тигр, и показывает мне напечатанное в учебнике: "Тигр еще больше, чем лев, похож на кошку". Ваня - Телепень видел здесь только "тигр еще больше, чем лев", - остальное его не интересовало.

Заканчиваю. "Отечественная война 1812 года" как историографическая проблема остается столь же дискуссионной, сколь и актуальной. Меняются времена и подходы к проблеме, но по-прежнему мешают поиску истины как объективные, так и субъективные

мотивы. Если в советское время это были цензура, конъюнктурщина и недосказанность, то сегодня - вседозволенность, безответственность и дилетантизм. Мешают исследователям во все времена и "розовые очки" ложного патриотизма - именно ложного, а не истинного, который, по мудрому определению В. Г. Белинского, "обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему <...> во всяком отечестве"[35].

Тем не менее, есть прогресс в изучении "Двенадцатого года". Содержательны и полезны иные труды и тех историков, с кем я сегодня дискутировал: В. М. Безотосного, А. А. Смирнова, А. И. Попова, А. С. Малышкина. Особо выделяю новаторские исследования В. Н. Земцова о Бородинском и А. А. Васильева о Малооярославецком сражениях[36], А. И. Ульянова о Тарутинском периоде[37], цикл статей С. В. Шведова о комплектовании, численности и потерях русских войск[38]. Уверен, будут подлинно научные выступления и в рамках нашей конференции.

Здесь уместно, по-моему, объяснить, почему мои историографические обзоры, доклады, рецензии носят преимущественно критический, а не похвальный характер. В свое время М. Е. Салтыков-Щедрин оценил свой журнал "Отечественные записки" как "дезинфицирующее начало в русской литературе", ибо "читать русскую книгу" нередко "все равно, что нюхать портки чичиковского Петрушки"[39]. Мне давно и очень захотелось, чтобы такое "дезинфицирующее начало" было и в нашей историографии, а поскольку желающих выступить в сколько-нибудь похожей роли не нашлось, я взял эту неблагодарную, но, полагаю, необходимую роль на себя, рискуя, конечно, обзаводиться недругами даже из числа бывших друзей.

Остается пожелать, чтобы достижений в нашей общей работе было как можно больше, а недостатков, на которых я (намеренно, для пользы дела) сосредоточил внимание, по возможности меньше, ради той, кому мы все служим, - ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

---

[1]Письма Е. М. Жукова ко мне от 13 июля и 3 сентября 1964 г. и 13 июля 1966 г. сохранились в моем архиве.

[2]Текст "развернутого отзыва" Л. В. Черепнина и И. В. Бестужева о моей статье, присланный мне в июле 1966 г., тоже хранится в моем архиве.

[3]См.: Троицкий Н. А. Глагол времен // Историки России о времени и о себе. М., 1998. Вып. 2. С. 21-23.

[4]Почтовая дуэль // В мире книг. 1988. № 11. С. 11-15.

[5]См.: Абаляхин Б. С., Дунаевский В. А. Пусть судит читатель... // Отечественная история. 1992. № 6.

[6]Троицкий Н. А. Как спорят историки // Там же. 1993. № 2.

- [7]Акад. А. Л. Нарочницкий в 1974-1979 гг. был директором Института истории СССР АН СССР.
- [8]Письмо ко мне А. Г. Тартаковского от 8 июля 1988 г.
- [9]Абалихин Б. С. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000.
- [10]Там же. С. 10-11.
- [11]Абалихин Б. С. Указ. соч. С 35.
- [12]Chambray G. Histoire de l'expedition de Russie. Paris, 1838. V. 2. P. 33.
- [13]Абалихин Б. С. Указ. соч. С 66. (Видно, Абалихин не знал, чем пословица отличается от поговорки).
- [14]Dennee P. Itineraire de l'empereur Napoleon pendant la campagne de 1812. Paris, 1842. P. 80; Bulletins officiels de la Grande Armee. Campagne de Russie et de Saxe. Paris, 1821. P. 99.
- [15]Абалихин Б. С. Указ. соч. С. 69.
- [16]Там же. С. 68-69.
- [17]Там же. С. 38.
- [18]Там же. С. 42-45.
- [19]Там же. С. 135.
- [20]Там же. С. 60.
- [21]Там же. С. 10, 40.
- [22]Емельянов И. Как мы знаем войну 12-го года? // Учительская газета. 1991. № 19.
- [23]Сироткин В. Г. "Наполеон и Россия". М., 2000. С. 3.
- [24]Там же. С. 6, 341.
-

- [25]Подробно см.: Троицкий Н. А. Рец. на кн.: Сироткин В. Г. "Наполеон и Россия". М., 2000 // Отечественная история. 2001. № 4 С. 181-185.
- [26]Сироткин В. Г. Указ. Соч. С. 313-314.
- [27]Понасенков Е. Н., Сироткин В. Г. Наполеоновские войны и русская кампания 1812 г. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2001. С. 45.
- [28]Ср., напр.: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 148, 199, 324, 368; Шишов А. В. Указ. соч. С. 133, 160, 283-284, 312 и др.
- [29]Сироткин В. Г. Указ. соч. С.375-376.
- [30]Там же. С. 451.
- [31]Подробно об этом см.: Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 79-82, 159-160, 232-233 и др., а также указ. имен.
- [32]Цит. фрагменты докторской диссертации А. И. Попова, с которыми он меня ознакомил и мои возражения против которых не принял, после чего печатно объявил, что мой взгляд на войну 1812 г. "примитивен" и "к науке отношения не имеет" (Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С. 149, 150.)
- [33]С 1970 г. я по примеру М. Н. Каткова веду тетради с черновиками всех моих писем. На сегодня в этих тетрадях - без малого 4 тыс. единиц хранения.
- [34]Смирнов А. А. Так сколько же их было? (Об оставленных в Москве раненых) // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 109.
- [35]Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 2. С. 572.
- [36]Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. 572 с.; Васильев А. А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 г. // Малоярославец: Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С. 16-87.
- [37]Ульянов А. И. Тарутинское сражение. Проблемы изучения // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1993; Его же. Тарутинский лагерь: "Неудобные факты" // Калужская губ. в Отечественной войне 1812 г. Малоярославец, 1994.
- [38]Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4; Он же. Численность и потери русской армии в Бородинском сражении // Бородино. Материалы науч.
-

конф. 1993 г. Бородино, 1994; Его же. О численности и потерях русской армии в сражении при Малоярославце 12 октября 1812 г. // М. И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995 и др.

[39]Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 20. С. 78.
